

К ВОПРОСУ О ЕВРОПЕЙСКОМ ОПЫТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ

Кочетков Александр Павлович

- e-mail: apkoch@mail.ru;
доктор философских наук, профессор, профессор кафедры
российской политики факультета политологии;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Прилуцкий Фёдор Романович

- e-mail: fedya.priluczkiy@mail.ru;
аспирант кафедры российской политики факультета политологии;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Для цитирования

Кочетков А. П., Прилуцкий Ф. Р. К вопросу о европейском опыте противодействия экстремизму // Российский социально-гуманитарный журнал. 2026. №2. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 19.03.2026
- Статья размещена на сайте 25.06.2026

СТРУКТУРА СТАТЬИ

Введение

Определение понятия «экстремизм» в научном дискурсе

Правовое определение понятия «экстремизм» в законодательстве Великобритании, Германии, Франции

Методы противодействия экстремизму в европейских странах

Заключение

Литература

АННОТАЦИЯ

Цель. Определить содержание понятия «экстремизм» и провести сравнительный анализ противодействия экстремизму в Великобритании, Германии и Франции.

Процедура и методы. В статье анализируются теоретические аспекты и основные подходы отечественных и зарубежных исследователей к содержанию понятия «экстремизм». Применяются метод структурно-функционального подхода, сравнительный метод, сравнительно-правовой метод, метод системного подхода.

Результаты. Проведённый анализ показал, что в рассматриваемых странах отсутствует единое правовое определение экстремизма, а подходы к противодействию варьируются. В Великобритании экстремизм определяется через оппозицию базовым ценностям, в Германии акцент делается на превентивные и профилактические меры, во Франции – на жёсткий контроль интернет-контента при фрагментированном законодательстве. Установлено, что общей тенденцией для этих стран являются ориентация на международные стандарты и сочетание превентивных мер с репрессивными.

Теоретическая и практическая значимость. Обобщён европейский опыт противодействия экстремизму. Сформулированы предложения по совершенствованию международного сотрудничества в этой сфере, включая развитие адаптационных программ для молодёжи, повышение эффективности контроля в информационном пространстве и создание позитивного контента.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

экстремизм, противодействие экстремизму, правовое регулирование, сравнительный анализ, Великобритания, Германия, Франция

ВВЕДЕНИЕ

Экстремизм представляет серьёзную угрозу устойчивому развитию современной системы международных отношений. Новые вызовы, исходящие от экстремистских организаций, подрывают стабильность и безопасность на международном уровне и требуют выработки соразмерных и эффективных мер реагирования. В этой связи ключевой задачей в области противодействия и профилактики экстремизма выступают решение

проблем межгосударственного и межнационального общения, расширение межконфессионального взаимодействия, обеспечение возможности для каждого из участников принимать самостоятельные решения с учётом общих интересов. При этом, несмотря на позитивные тенденции относительно интенсификации международных усилий, направленных на нейтрализацию экстремизма, фиксируется усиление негативных тенденций, обусловленных увеличением угроз ценностного, общественного и экономического характера. Существенным дестабилизирующим фактором становится информационное воздействие экстремистских структур, направленное на усиление агрессивных установок, провоцирование национальной и религиозной розни, а также на формирование социальной напряжённости в обществе.

Очаги экстремизма всё чаще используются отдельными государствами в качестве инструмента дестабилизации внутриполитической и социальной ситуации в различных регионах мира. Идеология экстремизма, в свою очередь, выступает основной консолидации участников экстремистских организаций, а также средством вовлечения в радикальную деятельность представителей различных социальных групп. Как правило, экстремистские организации преследуют цель подрыва традиционных духовно-нравственных ценностей, реализуемую через распространение экстремистской идеологии на территории европейских государств и оказание поддержки радикальным политическим движениям на Ближнем Востоке.

Несмотря на принимаемые международным сообществом меры, проблема экстремизма остаётся актуальной и требует дополнительного изучения. Представляется важным провести анализ отечественных и зарубежных научных подходов к содержанию понятия «экстремизм», а также рассмотреть правовые подходы к его определению в различных европейских государствах.

Целью настоящего исследования является определение содержания понятия «экстремизм» и проведение сравнительного анализа подходов к противодействию экстремизму в Великобритании, Германии и Франции. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: анализ отечественных и зарубежных научных подходов к содержанию понятия «экстремизм», исследование особенностей правового регулирования в указанных странах, а также обобщение применяемых мето-

← К НАЧАЛУ
СТАТЬИ

дов противодействия. Методологическую основу исследования составляют структурно-функциональный, сравнительный и сравнительно-правовой методы, а также системный подход.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ЭКСТРЕМИЗМ» В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Анализ содержания понятия «экстремизм» в научной литературе предполагает обращение как к российским, так и к зарубежным научным работам, посвящённым анализу данного явления. В отечественной исследовательской традиции не выработано единого подхода к определению его содержания. А. К. Рузавина в своей работе отмечает, что с точки зрения происхождения слова «экстремизм» восходит к латинскому *extremus*, что переводится как «предельный». Такое значение отражает связь понятия с крайними позициями и мерами, вследствие чего под экстремизмом обычно понимают ориентацию на радикальные взгляды, действия и формы поведения, выходящие за рамки умеренных [6, с. 1]. На множественность и противоречивость трактовок обращают внимание Л. М. Дробижева и Э. А. Паин [4, с. 72]. Ю. И. Авдеев трактует экстремизм как регулярное использование насилия и различных форм принуждения для достижения политических целей, включая воздействие на государственные структуры, общественные объединения и отдельных граждан с целью побудить их к определённым действиям либо решениям, направленным на снижение или предотвращение дальнейшего насилия [1, с. 12]. С одной стороны, подобная интерпретация охватывает значительный круг проявлений и удобна для выявления характерных признаков экстремизма, поскольку подчёркивает его инструментальную природу и опору на принуждение. С другой стороны, чрезмерная широта формулировки размывает понятийные границы, что создаёт риск отождествления «экстремизма» с «терроризмом», несмотря на то, что данные категории не полностью совпадают и экстремистская активность не всегда носит террористический характер.

Заслуживает внимания и альтернативный подход: Е. В. Демидова рассматривает экстремизм как фактор дезорганизации, ориентированный на ослабление и демонтаж сложившегося политического порядка одного или нескольких государств; вместе с тем – как социально деструктивный тип поведения,

предполагающий разрушительное воздействие на общество различными средствами и на всех уровнях его структурной организации [3, с. 67]. Её позиция представляется важной прежде всего потому, что смещает акцент с простой «крайности взглядов» на системно-разрушительный потенциал экстремизма в отношении политической организации общества и устойчивости государственных институтов. Такой подход позволяет рассматривать экстремизм как явление, способное нарушать нормальное функционирование политической системы и общественного порядка, а не только как совокупность радикальных убеждений или риторики. В свою очередь, Л. В. Савинов рассматривает экстремизм как выражение крайних установок, направленных на преобразование общественных отношений в политической, экономической, духовной либо социальной сферах путём нарушения правовых норм [7, с. 8]. В рамках данной трактовки принципиальное значение имеет то обстоятельство, что экстремизм соотносится сразу с несколькими областями общественной жизни, а не ограничивается исключительно политическим измерением. Это расширяет аналитические возможности и позволяет описывать экстремистские практики как многоуровневые, затрагивающие ценностные основания, экономические процессы, социальные связи и духовно-культурную сферу.

Наряду с отечественными интерпретациями следует обратиться и к позициям зарубежных исследователей, поскольку именно сопоставление разных традиций помогает выявить общие и специфические элементы концепта. Так, немецкие исследователи А. Пфаль-Траугбер и Э. Йессе описывают экстремизм как явление, ориентированное на подрыв базовых основ демократического и конституционного устройства государства [5, с. 218]. В пределах этой концепции существенным является не только степень радикальности взглядов, но и их направленность против демократических институтов и принципов конституционного строя, что позволяет рассматривать экстремизм в контексте угроз стабильности государственной системы.

Американские учёные П. Колман и А. Бартоли трактуют экстремизм как многосоставное явление, включающее различные виды деятельности, выходящие за пределы общественно одобряемых и устоявшихся норм¹. Важно под-

¹ Coleman P. T., Bartoli A. Addressing Extremism [Электронный ресурс]. URL: <https://libertyunderattack.com/wpcontent/uploads/2015/06/Addressing-Extremism-ICCCR-ICAR.pdf> (дата обращения: 18.01.2026).

черкнуть ключевое отличие подобных интерпретаций от ряда отечественных подходов: экстремизм здесь осмысливается как совокупность поступков, убеждений и моделей поведения, а не только как идеологическая конструкция или политическая стратегия. Кроме того, употребление формулировки «взгляды, отличные от общепринятых» принципиально значимо тем, что допускает изменяемость общественных стандартов и возможность трансформации критериев оценки.

Группа румынских исследователей предлагает понимать экстремизм как комплекс политических идеологий и средств, используемых политическими акторами для достижения поставленных целей [14, р. 4]. При этом такие идеологические установки противопоставляются базовым общественным ценностям и демократическим принципам. Преимущество данного подхода заключается в объединении идеологической и практической составляющих: экстремизм охватывает как систему убеждений, так и способы их реализации.

Словенский исследователь А. Сотляр определяет экстремизм как политическое понятие, используемое для обозначения видов деятельности, противоречащих как формально закреплённым, так и неписаным нормам государства и отвергающих демократическую форму правления [13, р. 4]. В этой трактовке особое внимание уделяется нормативному аспекту (соответствие либо несоответствие правовым нормам) и политико-институциональному критерию (принятие или отрицание конституционно закреплённой формы государственного управления), что позволяет интерпретировать экстремизм как вызов не только общественным ценностям, но и легитимным основаниям государственной власти.

Обобщая рассмотренные подходы, следует отметить, что экстремизм в научном дискурсе трактуется как многомерное явление, включающее идеологические установки и практики их реализации. Наиболее обоснованной представляется позиция, связывающая экстремизм с деструкцией социального и политического порядка. В этом контексте подход Е. В. Демидовой, интерпретирующей экстремизм как фактор разрушения общественных и политических систем, во многом совпадает с позициями зарубежных исследователей, рассматривающих его как угрозу политическим институтам и конституционному строю.

ПРАВОВОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ЭКСТРЕМИЗМ» В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ГЕРМАНИИ, ФРАНЦИИ

В 2015 г. правительство Великобритании представило проект Стратегии по противодействию экстремизму, в котором это явление было определено как «активная либо пассивная оппозиция фундаментальным ценностям государства». Одновременно в тексте документа просматривается сближение категорий экстремизма и терроризма, что может рассматриваться как методологически спорное решение, поскольку существует группа действий, относимых к экстремистским, но не обладающих признаками террористической деятельности². В Германии, напротив, законодательное определение экстремизма и экстремистской деятельности не закреплено в виде самостоятельного нормативного правового акта. Вместе с тем Уголовный кодекс ФРГ включает ряд норм, предусматривающих уголовную ответственность за деяния экстремистской направленности [8, с. 45]. Следовательно, отсутствие единой законодательной дефиниции не свидетельствует об отсутствии правового регулирования: соответствующие нормы формируются через систему уголовно-правовых запретов и процедур привлечения к ответственности за подобные правонарушения, рассматриваемые как угрозы конституционному строю и общественной безопасности.

Рассмотрение данного подхода позволяет сделать вывод, что противодействие экстремизму в Германии прежде всего ориентировано на превентивные и профилактические меры, однако при этом в арсенале государства присутствует и ряд репрессивных инструментов. При реализации политики правоохранительные органы стремятся комбинировать различные способы и меры, используя их во взаимосвязи. При этом применение репрессивных мер, как правило, рассматривается как крайний вариант, поскольку оно может затрагивать права и свободы человека и гражданина и потому требует повышенной обоснованности и соразмерности вмешательства.

Во Франции термин «экстремизм» не закреплён в виде единого нормативного определения, однако действует широкий

² Counter-Extremism Strategy (Policy Paper) // UK Government Official Website: [сайт]. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/counter-extremism-strategy> (дата обращения: 04.02.2026).

массив правовых актов, регламентирующих отдельные проявления данного феномена³. С одной стороны, такая конструкция позволяет охватить более широкий перечень деяний, квалифицируемых как экстремистские, и установить за них конкретные санкции. С другой стороны, отсутствие единого систематизированного правового акта осложняет формирование целостного и структурированного подхода к регулированию правонарушений, связанных с данным явлением, и затрудняет выстраивание единой логики. Дополнительно следует отметить, что во Франции установлен строгий надзор в интернете в отношении ряда сайтов, распространяющих экстремистские либо террористические материалы: юридическая ответственность может наступать не только для создателя соответствующего ресурса, но и для обычного пользователя, посещавшего подобные интернет-площадки [2, с. 211].

Сравнительный анализ правовых подходов Великобритании, Германии и Франции показывает, что понятия «экстремизм» и «политический экстремизм» не являются тождественными: во всех трёх юрисдикциях политический экстремизм рассматривается как частный, более узкий случай идеологически мотивированной активности, тогда как экстремизм в более широком смысле охватывает разнородные формы радикализации и противоправного или потенциально опасного поведения, не сводимые исключительно к политической сфере.

В нормативных актах, проанализированных применительно к европейским государствам, прослеживается ориентация на международные стандарты противодействия экстремизму, прежде всего на документы Совета Европы. Совет Европы, в свою очередь, основывается в данной области на международно-правовых актах, принятых Советом Безопасности ООН. Эти документы направлены на формирование общего подхода к противодействию экстремизму, однако, как и в ряде рассмотренных стран, нередко интерпретируют экстремизм как крайнюю разновидность терроризма, подчёркивая глобальный характер угрозы экстремизма мировому обществу. Тем самым формируется единая рамка восприятия опасности, но одновременно возникает методологическая сложность из-за

³ France Counter-Terrorism legislation // Legislation database of OSCE Participating States: [сайт]. URL: <https://www.legislationline.org/topics/country/30/topic/5> (дата обращения: 04.02.2026).

тенденции к сближению двух понятий, не полностью совпадающих по содержанию.

МЕТОДЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

В европейских государствах противодействие экстремизму в последние годы развивается как комплексная система, объединяющая меры безопасности, профилактические механизмы, правовое регулирование и социальную работу с группами риска. Общая логика этой системы состоит в том, что государственные органы стремятся действовать не только на стадии уже совершённого правонарушения, но и на более ранних этапах, когда возможно предупредить дальнейшую радикализацию. По этой причине в практику включаются инструменты раннего выявления угроз, межведомственной координации, индивидуального сопровождения и последующего контроля устойчивости достигнутых результатов. Такой подход позволяет рассматривать противодействие экстремизму как непрерывный процесс, в котором правоприменительные меры сочетаются с профилактикой и адресной поддержкой.

Существенное методическое значение для европейской практики имеет модель «управления случаем», когда работа строится по последовательным этапам: выявление признаков риска, оценка ситуации, подготовка индивидуального плана, реализация согласованных мер, мониторинг и оценка итогов. Дж. Льюис и С. Марсден подчёркивают, что именно структурированный характер такой работы повышает управляемость программ и позволяет преодолевать разрывы между различными учреждениями [11, р. 2]. Важной особенностью здесь является распределение случаев по уровням риска, поскольку от этого зависят интенсивность сопровождения, состав специалистов и набор применяемых мер. В практическом отношении это означает, что профилактика в Европе всё чаще строится не по универсальной схеме, а в индивидуализированном формате, где учитываются мотивационные, социальные и поведенческие характеристики конкретного лица.

При этом сама по себе процедура «управления случаем» не гарантирует результата, если не обеспечены единые рабочие стандарты и профессиональная подготовка специалистов. В исследованиях отмечается, что наиболее устойчивый эффект

К НАЧАЛУ
СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ
ВЫПУСКА

достигается там, где есть согласованность ведомственных протоколов, достаточные ресурсы и регулярная переоценка риска на ключевых этапах сопровождения. В этом смысле европейский опыт показывает, что качество реализации важнее формального наличия программы. Если оценка риска проводится поверхностно, а взаимодействие между структурами носит эпизодический характер, даже формально правильная модель теряет эффективность и превращается в набор слабо связанных действий.

Великобритания представляет пример наиболее институционально оформленной модели, где профилактический компонент включён в общую контртеррористическую архитектуру. В стратегии CONTEST зафиксировано, что противодействие угрозам строится одновременно по направлениям предупреждения, пресечения, защиты и готовности к реагированию⁴. Это означает, что государственная политика ориентирована не только на наказание и расследование, но и на снижение уязвимости общества, ограничение возможностей для экстремистской активности и подготовку органов к действиям в кризисных ситуациях. В такой системе профилактика связана с деятельностью образовательных, социальных и медицинских структур, что расширяет возможности раннего выявления проблемных случаев и делает вмешательство более адресным.

Одновременно британский опыт показывает, что масштабные системы требуют постоянной корректировки. Независимый обзор У. Шоукросса обращает внимание на необходимость поддерживать точный фокус программы «Предупреждение» на задачах именно контрэкстремистского характера и избегать чрезмерного расширения мандата⁵. Для практики это важно, поскольку размытые критерии включения могут приводить к перегрузке системы и снижению качества работы с действительно опасными случаями. В этом контексте особое значение приобретают регулярный внешний аудит, единые методические требования к первичной диагностике и подготовка специалистов, способных корректно различать социальную

⁴ HM Government. CONTEST: The United Kingdom's Strategy for Countering Terrorism 2023. London, 2023. 78 p.

⁵ Shawcross W. Independent Review of Prevent, 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/independent-review-of-prevents-report-and-government-response/independent-review-of-prevent-accessible> (дата обращения: 04.02.2026).

уязвимость и признаки идеологически мотивированной радикализации.

Немецкий подход отличается более выраженной децентрализацией и широким участием специализированных организаций, в том числе негосударственного сектора. Такая конфигурация позволяет применять более гибкие модели сопровождения и адаптировать меры к различным типам радикализационных траекторий. Д. Кёлер отмечает, что сильной стороной германской практики является сочетание индивидуальной работы, программ выхода из экстремистской среды, семейно-ориентированных форм поддержки и длительного постпрограммного наблюдения [9, с. 59]. Важнейший методический вывод германского опыта состоит в том, что результат должен оцениваться не как одномоментный успех, а как длительная динамика снижения риска. По этой причине особое место занимает повторная оценка ситуации после завершения основной фазы сопровождения, когда проверяется устойчивость отказа от насильственных практик и прочность социальных связей, способствующих ресоциализации.

Французская практика, напротив, демонстрирует модель более централизованного управления при многоуровневой реализации мер на местах. Ф. Ланэ указывает, что французская политика прошла этап перехода от преимущественно силового реагирования к комплексной системе предупреждения радикализации [10, р. 106]. В рамках этой системы разграничиваются уровни профилактики: широкий профилактический контур для уязвимых групп, адресная работа с лицами повышенного риска и специализированное сопровождение в наиболее сложных случаях. Такой подход позволяет сочетать единое стратегическое управление с практической деятельностью территориальных структур. Одновременно французский опыт показывает, что при централизованной модели особенно важно поддерживать обратную связь с местным уровнем, иначе унифицированные решения могут не учитывать региональных и социальных особенностей конкретных групп.

Отдельным и всё более значимым направлением в европейских странах является профилактика в образовательной среде. Р. М. Махниковски и С. Космынка, анализируя практики Франции и Испании, подчёркивают, что образовательные учреждения рассматриваются как ключевая площадка раннего выявления признаков радикализации и формирования устойчивости к экс-

тремистскому контенту [12, р. 74]. Речь идёт не о разовых просветительских мероприятиях, а о системной работе, включающей подготовку педагогов, алгоритмы межведомственного взаимодействия, участие семьи и социального окружения. Эффективность таких программ повышается, когда школа, профильные службы и родители действуют в координации и используют единые критерии оценки тревожных сигналов. В противном случае образовательные меры остаются фрагментарными и не обеспечивают долгосрочного профилактического эффекта.

Важное место в европейских моделях занимает информационное направление, поскольку распространение экстремистских идей в цифровой среде является одним из главных каналов радикализации молодёжи. В этой связи государства усиливают мониторинг сетевой среды, совершенствуют правовые механизмы ограничения доступа к противоправному контенту и развивают формы межгосударственного взаимодействия по выявлению трансграничных источников пропаганды.

Однако практика показывает, что исключительно ограничительные меры недостаточны. Для устойчивого результата они должны сочетаться с профилактическими действиями: развитием медиаграмотности, формированием критического восприятия информации и созданием позитивных содержательных альтернатив, ориентированных на молодёжную аудиторию. Такой баланс между ограничением деструктивного контента и развитием устойчивости пользователей становится важным условием эффективности цифровой профилактики.

Системный анализ европейского опыта позволяет выделить несколько устойчивых методических линий противодействия экстремизму. Во-первых, это переход к риск-ориентированной профилактике, где меры принимаются на основе оценки вероятности эскалации. Во-вторых, это персонализация работы через механизмы «управления случаем», позволяющая увязать задачи безопасности и социальной стабилизации.

В-третьих, это межведомственная координация, без которой невозможно обеспечить непрерывность сопровождения и сопоставимость решений разных структур. В-четвёртых, это долгосрочный мониторинг после завершения интенсивной фазы программы, поскольку риск возврата сохраняется и требует повторной диагностики. В-пятых, это институционализация внешней оценки, необходимой для корректировки программ и поддержания их практической результативности.

 К НАЧАЛУ
СТАТЬИ

Отдельно следует подчеркнуть, что различия между Великобританией, Германией и Францией касаются прежде всего организационной формы, а не базовой логики противодействия экстремизму. В одних странах преобладает более централизованная модель, в других – более децентрализованная, однако в обоих случаях решающее значение имеют качество отбора случаев, профессионализация исполнителей, устойчивость межведомственных процедур и способность системы к самообновлению. Именно эти параметры определяют, превращается ли профилактика в реально работающий механизм или остаётся формальным набором деклараций.

С практической точки зрения для дальнейшего развития европейских подходов ключевыми являются три задачи. Первая – повышение точности первичной оценки риска, чтобы ресурсы направлялись на случаи с реальной вероятностью насильственной радикализации. Вторая – укрепление кадрового потенциала, включая специализированную подготовку сотрудников образования, социальной сферы и правоохранительных органов для согласованной работы в едином методическом поле. Третья – развитие единых критериев оценки результатов, позволяющих сопоставлять эффективность программ в разных регионах и странах. Без решения этих задач даже значительные организационные и финансовые ресурсы не дают максимального эффекта.

Таким образом, европейский опыт подтверждает, что противодействие экстремизму эффективно только как комплексная и длительная политика, сочетающая правовые, организационные, профилактические и социальные меры. Результат обеспечивается там, где раннее выявление подкреплено адресным сопровождением, межведомственная координация имеет устойчивый процедурный характер, а завершение программы не означает прекращения контроля над динамикой риска. В этом контексте наиболее перспективной представляется модель, при которой государство одновременно поддерживает институциональную гибкость, доказательный подход к оценке и стратегическую преемственность мер на международном, национальном и региональном уровнях. Такой подход позволяет не только снижать текущие угрозы, но и формировать долгосрочную устойчивость общества к экстремистским воздействиям.

 К НАЧАЛУ
СТАТЬИ СОДЕРЖАНИЕ
ВЫПУСКА

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый в статье сравнительный анализ опыта противодействия экстремизму в Великобритании, Германии и Франции позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение.

Установлено, что, несмотря на отсутствие унифицированного правового определения экстремизма в законодательстве рассмотренных государств, их антиэкстремистская политика демонстрирует содержательное сходство в части стратегических приоритетов. К таким приоритетам относятся развитие превентивных механизмов раннего выявления радикализации, интеграция правовых и социальных мер воздействия, усиление контроля информационного пространства, а также формирование устойчивости общества к экстремистскому влиянию. Общей тенденцией является переход от преимущественно репрессивной модели реагирования к комплексной системе, интегрирующей правовые, профилактические, социальные и информационные меры. При этом ключевым элементом эффективности становится не столько степень жёсткости законодательства, сколько способность государства выстраивать непрерывный процесс управления рисками радикализации на всех стадиях – от раннего выявления до долгосрочной ресоциализации.

Сравнительный анализ позволяет констатировать, что различия между национальными моделями носят преимущественно институционально-организационный характер. В Великобритании сформирована наиболее централизованная система, интегрированная в контртеррористическую архитектуру; в Германии акцент сделан на децентрализованную сетевую координацию с активным участием институтов гражданского общества; Франция демонстрирует эволюцию от силового реагирования к централизованно управляемой, но многоуровневой профилактической стратегии. При всём разнообразии организационных форм общим знаменателем результативности выступают: точность первичной диагностики, профессионализация исполнителей, процедурная устойчивость межведомственного взаимодействия и наличие обратной связи с локальным уровнем реализации мер.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что все три страны сталкиваются с типовыми проблемами институционального дизайна: риском чрезмерного расширения мандата

профилактических программ, дефицитом валидированных методик оценки риска, фрагментацией ведомственных протоколов и недостаточной сопоставимостью критериев эффективности. Решение указанных проблем видится не в унификации национальных моделей, а в развитии методологической базы и стандартизации оценочных процедур при сохранении институциональной гибкости.

С практической точки зрения обобщённый европейский опыт позволяет сформулировать ряд рекомендаций, значимых для совершенствования как национальных стратегий, так и форматов международного сотрудничества. Во-первых, целесообразно дальнейшее развитие адаптационных и ресоциализационных программ для молодёжи из групп риска с акцентом на индивидуализацию сопровождения и длительный постпрограммный мониторинг. Во-вторых, требуется повышение эффективности контроля информационного пространства, предполагающее не только блокировки деструктивного контента, но и системное формирование у пользователей устойчивости к деструктивной информации через развитие медиаграмотности и создание позитивных альтернатив. В-третьих, представляется целесообразным развитие форм взаимодействия в части гармонизации понятийного аппарата, обмена апробированными методиками раннего выявления и сопоставимости результатов оценки программ. Вместе с тем следует учитывать, что реализация подобных форм взаимодействия в современных условиях может быть ограничена существующими политическими противоречиями.

Таким образом, проведённый сравнительный анализ показывает, что эффективность противодействия экстремизму определяется не столько формальными особенностями правового регулирования, сколько способностью государства выстраивать комплексную систему, сочетающую профилактические, правовые и социальные меры. При различиях в институциональной организации Великобритании, Германии и Франции их подходы характеризуются общностью в ориентации на раннее выявление рисков радикализации, персонализацию профилактической работы и усиление контроля информационного пространства. Это позволяет рассматривать противодействие экстремизму как длительный и многоуровневый процесс, требующий согласованности действий различных институтов и постоянной адаптации к изменяющимся усло-

К НАЧАЛУ
СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ
ВЫПУСКА

виям. Вместе с тем полученные результаты свидетельствуют об ограниченной универсальности рассматриваемых практик, поскольку их эффективность во многом обусловлена спецификой национальных правовых систем, институциональной среды и социально-политического контекста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеев Ю. И., Гуськов А. Я. Современный экстремизм: понятие, структура, связь с терроризмом // Экстремизм и другие криминальные явления. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2008. С. 12–16.
2. Большев Н. И. О зарубежном опыте правового регулирования противодействия экстремизму в сети Интернет // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. №3. С. 209–214.
3. Демидова Е. В. Экстремизм: понятие и сущность // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. №2. С. 66–69.
4. Дробижева Л. М., Паин Э. А. О социальных предпосылках терроризма // Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы. М., 2003. С. 41–74.
5. Зинурова Р. И., Тузиков А. Р. Экстремизм в мировом пространстве: теоретико-методологический аспект // Вестник Казанского технологического университета. 2011. №17. С. 214–221.
6. Рузавина А. К. Определение экстремизма в современном научном дискурсе // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2021. Т. 35. С. 9–15.
7. Савинов Л. В. Исследование и экспертиза экстремистских материалов // Социально-гуманитарные науки. 2011. №4. С. 117–126.
8. Сокол В. Ю. Особенности деятельности Ведомства по охране Конституции Германии по выявлению экстремистских и террористических преступлений // Общество: политика, экономика, право. 2015. №2. С. 45–58.
9. Koehler D. De-radicalisation and disengagement programmes in Germany // Revista CIDOB d'Afers Internacionals. 2021. №128. P. 59–80.
10. Lahnaït F. The prevention of radicalisation in France // Revista CIDOB d'Afers Internacionals. 2021. №128. P. 105–130.
11. Lewis J., Marsden S. Counter-radicalisation case management interventions: Findings from a Campbell systematic review // Aggression and Violent Behavior. 2025. №82. P. 1–17.

К НАЧАЛУ
СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ
ВЫПУСКА

12. Machnikowski R. M., Kosmynka S. Initiatives to prevent radicalisation in Spanish and French educational establishments // Security and Defence Quarterly. 2025. №51. P. 74–93.
13. Sotlar A. Some Problems with a Definition and Perception of Extremism within a Society [Электронный ресурс] // Policing in Central and Eastern Europe: Dilemmas of Contemporary Criminal Justice. [2004]. URL: <https://www.ncjrs.gov/pdffiles1/nij/Mesko/208033.pdf> (дата обращения: 18.01.2026).
14. Trip S., Bora C. H., Marian M. Psychological Mechanisms Involved in Radicalization and Extremism. A Rational Emotive Behavioral Conceptualization [Электронный ресурс] // Frontiers in Psychology. 2019. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2019.00437/full> (дата обращения: 18.01.2026).

ARTICLE INFORMATION

Authors

Alexander P. Kochetkov

- e-mail: apkoch@mail.ru,
Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Deputy Head, Department of Russian Politics,
Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

Fedor R. Prilutsky

- e-mail: fedya.priluczkiy@mail.ru,
Postgraduate Student, Department of Russian Politics, Faculty of Political
Science,
Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

For citation

Kochetkov, A. P., Prilutsky, F. R. (2026). On European Experience in Countering Extremism. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To define the concept of extremism and provide a comparative analysis of countering extremism in the UK, Germany, and France.

Methodology. The article analyses the theoretical aspects and main approaches of domestic and foreign researchers to the content of the extremism concept. The method of structural-functional approach, comparative method, comparative legal method, and the method of the system approach are applied.

Results. The analysis showed that there is no single legal definition of extremism in the countries under consideration, and approaches to countering it vary. In the UK, extremism is defined through opposition to basic values, in Germany the emphasis is on preventive and preventive measures, in France – on strict control of Internet content with fragmented legislation. It has been established that the general trend is towards international standards and a combination of preventive and repressive measures.

Research implications. The article summarizes the foreign experience of countering extremism. Proposals have been formulated to improve

← К НАЧАЛУ
СТАТЬИ

← СОДЕРЖАНИЕ
ВЫПУСКА

international cooperation, including the development of adaptation programs for young people, improving the effectiveness of control in the information space and creating positive content.

Keywords

extremism, countering extremism, legal regulation, comparative analysis, Great Britain, Germany, France

References

1. Avdeev, Yu. I. & Guskov A. Ya. (2008). Modern Extremism: Concept, Structure, Connection with Terrorism. In: *Extremism and Other Criminal Phenomena*. Moscow: Russian Criminological Association publ., pp. 12–16 (in Russ.).
2. Bolychev, N. I. (2015). On Foreign Experience of Legal Regulation of Counteracting Extremism on the Internet. In: *Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia*, 3, 209–214 (in Russ.).
3. Demidova, E. V. (2010). Extremism: Concept and Essence. In: *Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*, 2, 66–69 (in Russ.).
4. Drobizheva, L. M. & Pain, E. A. (2003). On the Social Prerequisites for Terrorism. In: *Terrorism In the Modern World: Origins, Essence, Directions, and Threats*. Moscow, pp. 41–74 (in Russ.).
5. Zinurova, R. I. & Tuzikov, A. R. (2011). Extremism in the Global Space: Theoretical and Methodological Aspect. In: *Bulletin of Kazan Technological University*, 17, 214–221 (in Russ.).
6. Ruzavina, A. K. (2021). Definition of Extremism in Modern Scientific Discourse. In: *Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies*, 35, 9–15 (in Russ.).
7. Savinov, L. V. (2011). Research and Expertise of Extremist Materials. In: *Social and Humanitarian Sciences*, 4, 117–126 (in Russ.).
8. Sokol, V. Yu. (2015). Features of the Activities Performed by the Office for the Protection of the Constitution of Germany in Identifying Extremist and Terrorist Crimes. In: *Society: Politics, Economics, Law*, 2, 45–58 (in Russ.).
9. Koehler, D. (2021). De-Radicalisation and Disengagement Programmes in Germany. In: *Revista CIDOB d'Afers Internacionals*, 128, 59–80.
10. Lahnaït, F. (2021). The Prevention of Radicalisation in France. In: *Revista CIDOB d'Afers Internacionals*, 128, 105–130.
11. Lewis, J. & Marsden, S. (2025). Counter-Radicalisation Case Management Interventions: Findings from a Campbell Systematic Review. In: *Aggression And Violent Behavior*, 82, 1–17.

12. Machnikowski, R. M. & Kosmynka, S. (2025). Initiatives To Prevent Radicalisation in Spanish and French Educational Establishments. In: *Security and Defence Quarterly*, 51, 74–93.
13. Sotlar, A. (2004). Some Problems with a Definition and Perception of Extremism Within a Society. In: *Policing In Central and Eastern Europe: Dilemmas of Contemporary Criminal Justice*. URL: <https://www.ncjrs.gov/Pdffiles1/Nij/Mesko/208033.Pdf> (accessed: 18.01.2026).
14. Trip S., Bora C. H. & Marian M. (2019). Psychological Mechanisms Involved in Radicalization and Extremism. A Rational Emotive Behavioral Conceptualization. In: *Frontiers in Psychology*. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2019.00437/full> (accessed: 18.01.2026).